

Адрес статьи: friday.vedomosti.ru/article.shtml?2007/12/21/11326

Этот город, не входящий в стандартные туристические маршруты, стоит всяческого внимания

Очень меткие, хоть и неточные слова о Падуе сказал Хемингуэй. В романе "За рекой, в тени деревьев" вскоре после войны полковник Кантуэлл по дороге в Венецию проезжает Падую, беседуя с водителем.

"Нет, вы подумайте, — сказал шофер. — У них что ни мост, что ни станция — кругом на целые полмили одни развалины. — Отсюда мораль, — сказал полковник, — не строй себе дом или церковь и не нанимай Джотто писать фрески, если твоя церковь стоит в полумиле от моста".

Неточность в том, что церковь Эремитани, разрушенную авианалетом союзников в 1944 году, расписывал Мантенья, а не Джотто. Стоящая рядом возле моста через городской канал капелла Скровеньи, расписанная Джотто, уцелела. Бог с ней, с путаницей — для сюжета романа она не важна, а в путеводитель мы заглянем сами. Важнее точность — не авиации, а писателя, подметившего уже тогда, как определила война облик Падуи.

Все пространство от вокзала до центра — послевоенная застройка: а там было на что посмотреть. К счастью, центральная и южная часть города сохранились, и Падуя — не входящая, увы, в стандартные туристические маршруты — стоит всяческого внимания. Впрочем, вся Италия, особенно северная, такова: никаких маршрутов ни на чью жизнь не напасешься.

Плюс Падуи — полчаса на поезде, автобусе или машине от Венеции. Город легко достижим из Милана, Вероны, Болоньи, Мантуи — то-то здесь были все, составившие славу Италии.

Донателло тут предоставили дом возле собора св. Антония, и он из окна второго этажа следил, как идут работы по установке его памятника предводителю наемников Гаттамелате. Это прозвище дословно означает "медовый кот", и надо же быть величайшим скульптором всех времен и народов, чтобы передать вкрадчивую грозную пластику человека из отряда хищников.

Впрочем, начать обход Падуи стоит не с художественных сокровищ, а с кафе, составляющего призовую итальянскую тройку: два других — "Греко" на виа Кондотти в Риме и "Флориан" на венецианской пьяцца Сан-Марко. В падуанском кафе "Педрокки" все символично. И расположение: наискосок от второго в мире по старшинству (1222 год) университета — как везде и всегда, рассадника вольномыслия. И неоклассический облик с портиками, отсылающий, хочешь не хочешь, к античным свободным образцам. И интерьер второго этажа, где в египетском, восточном и прочих залах причудливо смешались пышность и наивность — произвольность выбора. В общем, не зря именно в "Педрокки" в 40-е годы XIX века вызревал студенческий бунт против австрийцев, обернувшийся в конце концов освобождением и объединением Италии. Опять война, пусть и другая. В "Педрокки" на стене одного из залов нижнего этажа серебряной табличкой обозначен след от пули тех времен, а напротив — на бронзе цитата из "Пармской обители" Стендаля с описанием кафе. В меню множество коктейлей из горячего кофе и холодных ликеров — и пожалуй, нигде их не делают так тонко.

Побродив по городу и подивившись истовой сегодняшней вере в соборе св. Антония (на

гробнице святого сотни благодарственных записок и фотографий искореженных автомобилей, мотоциклов, велосипедов, чьи хозяева уцелели в авариях), вот теперь надо зайти в церковь Эремитани и капеллу Скровеньи. Именно в таком порядке. Увидать леопардовую пестроту бывших мантеньевских фресок, где на белой штукатурке выложены мельчайшие фрагменты, уцелевшие в бомбежке. А потом пройти двести метров до Скровеньи, где в часовне размером 20,8×8,4 метра Джотто семьсот лет назад начинал европейское искусство.